

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

ЗАГАДКИ ЛЮБВИ

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Галина Владимировна Врублевская

Загадки любви

Серия «Романы и сборники малой прозы», книга 9

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=588015

Врублевская Г.В. Загадки любви: Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4779-0

Аннотация

Может ли женщина чувствовать себя комфортно, живя с нелюбимым мужчиной? Даша Ветрова, преподаватель курса «Психология семейных отношений», была уверена, что может. До поры до времени и ее личный опыт подтверждал это. Однако мудрые решения счастья не гарантируют, а предательство спутника жизни способно совершенно выбить из седла. Вскоре на растерянную Дашу обрушивается новое испытание. В ней просыпается давнее чувство к другу юности Артуру. Но ведь она так успешно вычеркнула его из памяти! Женщину поражает то, что и Артур, когда-то отвергший ее, теперь сам проявляет инициативу и стремится восстановить отношения. Даше трудно поверить в нежданно свалившееся на ее голову счастье. И действительно, за новым поворотом судьбы скрывается немало

загадок. Между Дашей и Артуром встает его младший брат Виктор.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	28
3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Врублевская Галина Владимировна Загадки любви

...Так, руки заложив в карманы,

Стою. Меж нами океан.

Над городом – туман, туман.

Любви старинные туманы.

М. Цветаева. Любви старинные туманы

Часть первая Всё под контролем

1

День не предвещал сюрпризов. С утра чтение лекций в универе – дело уже привычное, психологию преподаю третий год. Могу и пошутить со студентами, и одернуть записных острословов. Две пары отчитала как следует. За ними шел семинар по семейным отношениям – мой конек! И старшекурсники любят эту тему – равнодушных не было: низвергались авторитеты, сыпались вопросы, скрещивались мне-

ния. Особенно когда разговор коснулся брака по расчету. И даже звонок не остудил спор. Парни и девушки осаждали мой стол, перебивали друг друга и меня – никак не хотели принять тезис, что можно выстроить хорошую семью без любви. Спонтанно возникший диспут прекратился лишь с приходом в аудиторию нового преподавателя.

Я вышла в коридор, прижимая к груди папку с карточками тестирования, рисунками, табличками. Отнесла методические материалы на кафедру и здесь узнала приятную новость: назначенный на сегодня совет кафедры отменяется. Моментально решила для себя всякую писанину и отчеты тоже перенести на другой день. Как школьница, узнавшая о болезни учителя, поторопилась поскорее удрать, чтобы не навесили еще какой работы, – освободиться в середине дня удавалось крайне редко.

Едва сдерживая шаг – как-никак преподаватель, – я резво спускалась по широкой лестнице. Вспоминала дискуссию, возникшую на перемене. Запальчивость ребят мне понятна: я тоже когда-то считала брак без любви большим несчастьем. Вот и мои студенты не могли поверить, что такие союзы оказываются более прочными, если вовремя и грамотно решать супружеские конфликты. Разумеется, тут без нас, психологов, не обойтись.

Я на своем опыте убедилась, что симпатия и взаимное уважение – достаточная основа для совместной жизни, сою-

за двоих. Два года прекрасно живу с человеком, хотя вначале Кир, мой гражданский муж, мне не слишком понравился – виделся кичливый бизнесмен, не отягощенный интеллектом. Но он так красиво ухаживал – дарил цветы, присылал романтические мелодии на мобильник, – что я сдалась, решила пожить с ним вместе. И ничуть в этом не раскаиваюсь – нам хорошо вдвоем. Договорились, что если появится ребенок, то сразу распишемся.

Вышла на улицу, было ветрено и промозгло. Но даже одетая в легкую куртку, я не опасалась каверз погоды. Ведь рядом, у поребрика, меня дожидалась малютка-«лимончик» – желтовато-салатный «опель» – тоже подарок Кира!

Мы с Киrom снимаем квартиру в питерских новостройках. Путь не близкий, и в часы пик случается застревать в пробках. Однако сейчас, днем, я летела по улицам без помех! Сделала лишь одну остановку у гипермаркета, чтобы купить продукты. И здесь ни толкотни у прилавков, ни очереди у касс. Управилась быстро: минут через двадцать уже выходила из магазина, толкая тележку с продуктами. Везение продолжалось, если не считать маленькой неприятности: уронила упаковку яиц на асфальт, когда перекладывала пакеты в багажник. Но ничто не могло испортить моего настроения! Аккуратно обошла ядовито-желтую лужицу с белоснежными половинками скорлупы и села в машину.

Все же, поднимаясь по лестнице своего дома с грудой па-

кетов в охапку, уже осторожничала и даже позвонила в квартиру в надежде, что Кир откроет. Его работа связана с разъездами по городу – он глава фирмы по продаже мобильных телефонов, – иногда и домой в середине рабочего дня заскочит. Но за дверью было тихо. Пришлось самой исхитриться, достать ключи и открыть дверь – никого!

Отнесла продукты на кухню, бросила на стол и только потом сняла куртку. Напевая мелодию, приставшую из дорожного радио, и чуть пританцовывая, я переместилась в спальню, чтобы поскорее скинуть официальный брючный костюм и облачиться в пижаму канареечного цвета. Я люблю желтоватые оттенки, и как психологу мне известно, что в этом проявляется надежда на лучшее, устремленность в перспективу. Но я – не фантазерка, а просто позитивный человек.

Радостное настроение, связанное с возвращением с работы в середине дня, не оставляло меня. Я наслаждалась краткой возможностью ничегонеделания. Включила телевизор, пробежалась по каналам – скукотища! Отбросив пульт в сторону, положила на колени ноутбук, откинула крышку. Дала себе слово, что поброжу в Интернете только полчаса, хотя знала, что вряд ли ограничусь отведенным себе временем. Заглянуть в «контакт» – это святое! Неизвестные мне гении придумали мир социальных сетей, где встречаются и давние друзья, и люди незнакомые. Хотя времени эти встречи-разговоры пожирают будь здоров! А если вдруг объявится старый друг или одноклассник – пиши пропало! Зависнешь с

ним в личной переписке, пока угар первой встречи не пройдет.

Две недели назад и на меня такое испытание обрушилось – в Сети объявился Артур. В школьные годы я сходила с ума от «моего Арта», а он, Байрон доморощенный, даже не смотрел в мою сторону. Артур в то время встречался с моей подругой Люсьенной – сколько слез я тогда в подушку пролила! Потом они поссорились, и меня сразу надежда окрылила, но увы... Зато с Люсьенной мы дружим до сих пор: общие воспоминания всегда сближают.

Про Артура мы обе долгое время ничего не слышали. У Люсьены печалиться времени не было, потому что вокруг нее всегда много парней крутилось, а я долго в себе эту безответную любовь изживала. Потом на психфаке, где каждый разбирал свои тревоги по косточкам, я слегка образумилась. Узнала, что поиск своей половинки – это такой комплекс, вроде любви к собственному отражению, только не в зеркале, а в своем бессознательном. Но умом-то я это поняла, а душа еще долго болела. Потому, волей-неволей встретившись в Интернете с Артуром, я разволновалась, но голову не потеряла. Не хватало еще сейчас, когда моя личная жизнь стала налаживаться, снова в безумную романтику, как девчонка, впасть. Дала себе зарок: никаких фантазий по этому поводу. Но конечно, Артур вызвал во мне интерес больший, чем другие одноклассники, всплывшие в Сети. Однако мы стали с ним лишь «френдами», виртуальными друзьями в интер-

нет-сообществе без всяких обязательств по отношению друг к другу. Он тоже общался со мной сдержанно.

Я включила комп и вошла в почтовый ящик. Меня дожидались несколько писем, и я щелкнула мышью по строчке «Артур Палецкий». В том, что я начинала просмотр ящика именно с его писем, тоже проявлялись отголоски былых чувств к этому человеку: зажившие раны ноют перед дождем.

В маленьком прямоугольнике справа на экране я, как обычно, увидела его фото. Нынешний облик Артура добавил мне скепсиса. Его располневшее лицо с отчетливо видимым двойным подбородком не вызывало романтического чувства, как и жиденький клочок темных волос надо лбом; не говорю уж о залысинах над висками. Лишь взгляд моего Байрона оставался прежним: умным и насмешливым. Артур был сфотографирован в ярко-синей рубашке с распахнутым воротом.

Интонации письма были спокойны: «Привет, Долли! Куда ты запропастилась? Три дня не было! Без тебя и поболтать не с кем тут. Прочие виртуальные подружки не могут спокойно относиться к моему холостяцкому положению, все рвутся отношения в реал перевести. Хорошо хоть ты – замужня дама. Еще не собираетесь скрепить свой союз казенными печатями? А я теперь заделался совсем отшельником – сию дома, пишу книги. Ты еще не читала моих романов? Посмотри

на Гугле. Хотя женщины в большинстве своем фантастику не жалуют... С кем из наших общаешься? Я уже писал, что сейчас живу в Москве, но думаю, что по семейным делам, бабушка-то в Питере одна осталась, придется навещаться в ваш город. Тогда, надеюсь, пересечемся».

Слова Артура – «Без тебя и поболтать не с кем!» – польстили моему самолюбию. Вот, раньше не ценил, зато сейчас... Но тут же оборвала себя. А может, ему нужен материал для своих романов? Захотел узнать, в кого превращаются влюбленные дурочки, когда взрослеют? Чувство обиды за былое невнимание с его стороны пересилило спокойное радушие нашего теперешнего общения. Однако я не дала разгореться обиде. Хорошо. Пусть он решил писать с меня женский образ для своей новой книжки, но ведь и я пытаюсь, вступив в эту переписку, разобраться, чем околдовал меня в свое время Артур. Есть ли в нем хоть капля того, что я ему приписывала тогда? Но прежде всего надо показать ему, что я теперь – другая! Теперь я самостоятельная, уверенная в себе девушка. Впрочем, пора привыкать к другим словам: «молодая женщина» – недавно один старичок в очереди так меня назвал. И студенты давно зовут по имени-отчеству.

Потом меня осенило: раз я другая, я не должна показывать радость от общения с ним и, хотя бы ради приличия, поинтересоваться его братом Витей. Ведь Витя считался моим парнем. С какой легкостью мы забываем тех, кого не лю-

били!

«Превед-медвед! Извини, что пишу редко. В универе куча дел, а дома я редко бываю одна, так что понимаешь. Кстати, Арт, ты ничего не написал о Вите. И на сайте он вроде бы не зарегистрирован. Что он подельывает? Чем дышит? А ты сам давно стал писать книги? Кем работал до этого? Когда надумаешь ехать в Питер, сообщи заранее, мы всех наших соберем, объявим на сайте. Люсьена у нас классный аниматор по любой части, думаю, и зал в ресторане закажет, и всех ребят дополнительно обзвонит, и учителей вытащит. Впрочем, ты сам лучше и напиши ей о своем приезде».

Прежде чем выключить компьютер, я решила сохранить фото Артура в файле. Я бы и на принтер его вывела, но Кир может неправильно понять... Я не знала, зачем я делаю это, но иногда так трудно объяснить свои поступки. Толстяк в синей рубашке с воротом нараспашку плохо накладывался на романтический образ парня, что жил в моей памяти. Мало того что он начал лысеть, но и вмятина на переносице – родовая черта братьев – углубилась. Артур теперь ходил на брата Витю больше, чем в юности. Однако то, что у Вити меня отталкивало, в Артуре казалось милым. И лишь поредевшая его шевелюра расстроила меня не на шутку. Что ж, и мое лицо утратило девичью свежесть.

Закрыв ноутбук, я посмотрела на часы и поняла, что следует поторопиться, если я собираюсь сегодня побаловать Кира добротным ужином. Да и мне самой уже надоели готовые

покупные блюда, разогретые в микроволновке.

Я поспешила на кухню, где на столе высилась груда привезенных мною продуктов, закупленных на неделю вперед. Поругала себя, что сразу не убрала лишнее в холодильник: оставила сметану в теплом помещении, теперь скиснет. Думала ведь, что на минутку выбежала, только переоденусь и назад, а сама зависла в Сети, как мои студенты. Знали бы они, как их препод проводит свой досуг! Шагнув к холодильнику, чтобы убрать в него сметану и готовые салаты в баночках, я заметила на его дверце белый листок бумаги, прилепленный крыской-магнитиком. Год, проходящий под знаком Крысы, привлек в наш дом невысказанное количество сувенирных грызунов. Я взялась за пластмассовый темно-бурый хвост крыски и высвободила записку.

Боже! Таких аккуратных, ровных букв в исполнении Кира мне видеть не приходилось. Обычно он оставлял наспех нацарапанные летящие строчки: «Ушел, задержусь, скоро вернусь». Обычно, но не сегодня... Я вновь всмотрелась в отдельно стоящие, почти печатные буквы, соединенные в разящие слова: «Даша, прости, я уезжаю совсем. Квартира оплачена до конца месяца. Объяснений не будет».

Я присела на табуретку, опустив руки – теперь мне не для кого готовить царский ужин! Я не могла поверить, что все закончилось. Мы с Киrom жили так дружно, даже весело! Мы даже редко повышали голос друг на друга! И хотя Кир был чуть моложе – ему еще не исполнилось тридцати, – он

стал для меня надежной опорой и защитой. Кир серьезно относился к своей работе и много времени отдавал ей. И что устраивало меня: в быту, дома, он был на редкость неприхотлив. Никогда не попрекал отсутствием горячего ужина, довольствуясь тем, что есть в холодильнике. Не сердился, что я допоздна засиживалась над проверкой студенческих курсовиков, написанием рецензий на их работы. Он часто засыпал, так и не дождавшись, когда и я тоже лягу. А я в свою очередь не пилила его, когда он возвращался навеселе с какого-нибудь корпоратива или деловой встречи. Зато мы охотно путешествовали вдвоем, посетили немало экзотических стран, а по выходным любили посидеть в ресторанчике. Хорошие доходы Кира позволяли ему не считать деньги, потраченные на наши удовольствия. Мне казалось, что нам обоим было комфортно в этом союзе. Я даже думала о ребенке, только тянула с этим, потому что хотела закончить работу над диссертацией.

Вроде бы обоих устраивало существующее положение, но, выходит, я заблуждалась. Я не заметила недовольства Кира, ведь он не жаловался на недостаток моего внимания к нему. Я, говоря профессиональным языком, просмотрела скрытую фазу конфликта. А ведь еще утром я была готова демонстрировать студентам нашу с Киром жизнь как образец прочной семьи!

Я всегда считала, что позволяю Киру любить себя, не испытывая ответных чувств. Но сейчас вспышка страсти охва-

тила меня – только не могла понять: любви или негодования. Я не заметила, как Кир вошел в мою жизнь и стал ее частью! Неужели я с такой силой полюбила его? Или разыграло уязвленное самолюбие? Меня трясло от обиды и возмущения: брошенная, брошенная!

С яростью вскрыла упаковку колбасной нарезки и вцепилась зубами в дробленный жиринками твердый кружок. Челюсти ритмично двигались, будто перемальевали беглеца! Что теперь делать, как вести себя? Еще утром я умно вещала студентам про то, как следует разрешать семейные конфликты, и была уверена в эффективности алгоритмов. Но проверить эти способы на практике я уже не смогу: интуиция подсказывала, что Кир ушел совсем! Он не вернется.

Достав из холодильника початую бутылку водки, я плеснула в стакан, ненароком налив до половины, и, морщась от отвращения, выпила до дна. Пока я жевала второй кусок колбасы, приятная теплота обволокла меня, острота положения притупилась. Прислушалась к себе. Болит душа? Точит обида? Ничего, полный штиль.

Слегка касаясь рукой стенки, прошлепала в комнату и, не раздеваясь, распласталась на неразобранном диване. Устремила взгляд к потолку, к трехрожковой люстре, висящей над головой. Люстра заметно покачивалась вместе с потолком, а я испытывала тупое безразличие. Отстраненно вспоминалась история нашего знакомства с Киrom. Вспоминалась будто недавно просмотренное кино.

Мы впервые увиделись с Киrom, когда я проводила в его фирме тренинг продаж. Как директор, он был вправе отказаться от участия в ролевой игре, однако выразил желание наблюдать за процессом. Рослый, крепкого сложения, Кир выглядел весьма солидно. Директор сидел, вальяжно откинувшись в рабочем кресле и вытянув ноги вперед, будто дома перед телевизором. Краем глаза я заметила, что на меня он смотрит чаще, чем на свой персонал. После завершения тренинга он пригласил меня в ресторан, на неделе мы сходили в кино, а в следующие выходные я осталась у него на ночь. Вскоре я переехала на съемную квартиру Кира.

Наши отношения походили на те, что складываются у пассажиров дальнего поезда. Мы ехали в одном купе, забыв о том, что на любой станции один из нас может сойти. Продлись наша поездка дольше, может, мы бы и скорректировали свой маршрут в единый, но не успели... Регулярный секс вместо ежевечернего дорожного чая и совместный просмотр фильмов перед сном как замена разглядывания проносящегося за окном поезда пейзажа – только это и отличало нас от железнодорожных попутчиков. Почему лишь сейчас, когда Кир оставил меня, я поняла это?

Как большинство мужчин, Кир не распространялся о своих чувствах, у меня тоже потребности обсуждать их не возникало, потому и романтика в наших отношениях быстро выветрилась. Да и в самом начале вместо томных взглядов

мы обменивались лишь мелодиями на мобильных. Иногда меня охватывали сомнения. Уйти? Остаться? Но он ушел первым...

Яркие лампы слепили глаза, и я смежила веки, прибегнув к испытанному средству: психологическому аутотренингу. Никаких трагических мыслей, никаких тревожных воспоминаний. Руки-ноги наливаются теплотой, ресницы тяжелеют. Легкая улыбка растянула мои губы. Кир ушел, и я свободна! Я никого не люблю и любить не собираюсь. Впрочем, нельзя при самопрограммировании использовать частицу «не», потому что до сознания дойдет только ненавистное «люблю». Но правильная форма не приходила в захмелевшую голову. Поленившись встать, чтобы выключить верхний свет, я натянула на лицо покрывало и вскоре забылась исцеляющим сном.

В середине ночи лень-матушка отомстила мне: ярко горящая люстра, бьющая светом в глаза, причудливым образом преобразилась в сновидческий глюк – слепящий свет в конце темного тоннеля. Про такой свет вспоминают очевидцы, пережившие клиническую смерть. Но в этом ярком пятне передо мной возник не благословенный образ Спасителя, а всего лишь полузабытое лицо мальчика из школьной поры. Он протягивал ко мне руки, он беззвучно звал меня, шевеля пухлыми губами. Но в тот момент, когда кончики наших пальцев соприкоснулись, меня обожгло невыносимым жаром и выбросило из сна. Поэтому я так подробно и запом-

нила свой сон.

Сердце било в набат, как в школе на уроках физкультуры, когда приходилось бежать ненавистный кросс. Я еще ощущала покалывание в пальцах, и не только в пальцах: бешеным ритмом пульсировала кровь в глубине меня.

Артур! И вовсе не пресный, лысеющий толстяк, что писал мне письма в Интернете. А тот Арт, что с огромным трудом был выкорчеван мною из сердца. Тот, что сохранился в пыльной папке воспоминаний с пометкой «первая любовь». Наяву я давно контролировала себя, избавилась от любовного невроза, но рецидивы его вылезли через сон. В этом сне я испытала чувство ошеломляющей радости! Эта радость короткой вспышкой полыхала во мне еще несколько секунд после просыпания. Неужели избавление от болезненной влюбленности – это всего лишь спасительное самоутешение?

Мой любимый Арт приходил в мои сны считанные разы. Приходил таким, каким он помнился мне по выпускному классу: юный атлет, с густыми темными волосами и тренированным, мускулистым телом. Расстегнутый ворот рубашки выгодно открывал взору окружающих накачанные мышцы шеи: большой кадык, соблазнительная ямка под ним. Возможно, этот образ с расстегнутым воротом так впечатался в мое подсознание, поскольку когда-то Артуру пеняли за разгильдяйство – ради дисциплины требовалось, чтобы мальчики в старших классах носили галстуки. Но вне школы – а

нам приходилось общаться всюду – его шея зимой и летом была открыта всем ветрам.

* * *

Мне посчастливилось часто бывать в компании с Артуром, потому что у него был брат Витя, и я считалась его девушкой. Однако о Вите, хотя я дружила с ним, я почти не думала, как и о прочих одноклассниках, но сейчас я вновь вспомнила всех.

Братья Палецкие, Артур и Витюша, появились у нас в предпоследнем перед выпуском классе. Они были погодки, Витюша—младший, но из соображений удобства родители определили их в первый класс одновременно: старшему брату, когда он пошел в школу, сравнялось почти восемь, а младший не дотягивал до семи. Витя позднее рассказывал, что, когда братья пошли в школу, внешне их разница в возрасте почти не проявлялась, потому что Витя был крупным ребенком, а его старший брат имел средние данные.

Но в переходном возрасте разница в год сказалась в пользу Артура. В девятом классе он, как часто бывает у мальчишек, начал стремительно расти и намного обогнал Витю. Причем, занимаясь спортом, вытянулся не только вверх, но и раздался в плечах. Так что, когда оба появились у нас в классе, Артур казался старше брата года на два – неудивительно, что он пользовался успехом у девочек. Даже фамиль-

ная черточка их внешности – слегка расплющенная, вогнутая переносица, – хотя и придавала сходство братьям, породила разные ассоциации. Артур походил на боксера, чей нос ненароком пострадал в ожесточенной схватке, а Витюша выглядел просто курносым, по-девичьи круглолицым домашним мальчиком.

Хотя заглядывались на Артура многие, а не только я, выделил он в классе мою подругу. Теперь я понимаю, что в первую очередь вызывала интерес у мальчиков ее пышная грудь с ложбинкой, видной в глубоком вырезе джемпера. И оба – Артур и Люся – оказались в одинаковой позиции непримиримых стойков. В тот год и у девочек отменили школьную форму, и учителя отчитывали Люсю за откровенные декольте так же часто, как Арта за отказ носить галстук. Но если Люся хотя бы молчала, слушая выговоры, то Артур смело вступал в споры с учителями, отстаивая свою позицию. В общем, Арта было за что любить.

Особенно меня восхищало неиссякаемое острословие героя моих грез, хотя ныне, как психолог, я знаю истинную причину его возникновения: иронией подростки маскируют внутреннюю неуверенность. И часто используют ее как оружие нападения. Весь стиль общения Артура с одноклассниками был снисходительно-насмешливым. Себя он именовал Артом, Люську прозвал Люсьеной, а меня снисходительно нарек Долли, переиначив имя Даша. К счастью, Витюша –

вычурное Виктор так к нему и не приклеилось – вскоре превратил холодноватое Долли в ласковое Долька; так меня стали звать и остальные.

Имя с французским оттенком Люсьене понравилось, и она использовала его в дальнейшей жизни, требуя от знакомых такого обращения. Я же продолжала для других оставаться Дашей и только в нашей компании именовалась Долькой.

Но сильнее всего меня обижало, когда Артур называл меня «девочкой в чепчике». Дело в том, что у меня в детстве часто болели уши. Даже в старших классах, когда никто головные уборы уже не носил, мне приходилось с ранней осени и почти до начала лета ходить в дурацких шапках. Потому что после того, как врачи в больнице дважды долбили мне воспалившуюся кость в ухе, я смирилась с этой печальной необходимостью.

В том пубертатном возрасте, когда расцветала моя безответная любовь, принято тусоваться несколькими парами, поэтому и образовалась наша четверка: Арт с Люсьеной и я с Витюшей.

Витю я лишь терпела, он абсолютно мне не нравился. По сравнению с братом он выглядел низкорослым, волосы его, тоже темные, неряшливо топорщились, а примятая переносица и вовсе казалась мне уродливой. И учился Витя так себе. Но я героически несла крест, считаясь «девушкой Витю-

ши», чтобы пребывать в компании и быть ближе к Артуру. Мечтала, что в один прекрасный день рыцарь моей мечты заметит наконец мою прекрасную душу. Ведь я была умнее Люсьены, почти отличница, и втайне считала, что и лицо мое одухотвореннее, чем у нее. Обрати тогда Арт на меня свой благосклонный взгляд, я бы предала Люсю не задумываясь. Ведь говорят, что любовь оправдывает все.

И как-то раз я почти приблизилась к своей цели.

Весенними майскими днями мы вчетвером готовились к экзаменам в пригородном лесопарке. Мы жили в центре города и ездили на окраину, до конечной станции метро. Однажды утром мы еле втиснулись в вагон, он, как всегда в часы пик, был переполнен. Но мне удалось изловчиться так, чтобы пассажиры прижали меня не к Витюше, а к Артуру. Мой нос уткнулся в ямку на его шее, под вызывающим мой восторг кадыком. Запах крепкого мужского тела закружил мне голову. Я едва заметным движением языка лизнула его шею, но тут же устыдилась своих действий и попыталась отступить на полшага – но отступать из-за теснивших меня со всех сторон пассажиров было некуда. Хуже того, своим натиском они сдвинули мою ногу с места, загнав ее в узкий промежуток между слегка расставленными ногами Артура. В следующие мгновения мне показалось, что стало еще теснее, что усилились толчки вагона и чей-то зонт уткнулся в мой живот. Но это не могло быть зонтом! Внезапное открытие почти лишило меня сознания, и легкая судорога впервые

в жизни пробежала по моему телу.

Придя в себя, я подняла глаза и взглянула на Артура: он стоял, откинув назад голову, чуть прикрыв веки, но на лице его не отражалось никаких эмоций. Ближе к конечной станции в вагоне стало свободнее, и мне пришлось отодвинуться от Артура, и тут же к нему приблизилась Люсьена, любимая им девушка. Не стесняясь пассажиров, Артур обнял ее, и они начали целоваться. А Витя – он был, ко всему прочему, еще и робок – осмелился лишь дотронуться до моей руки, слегка вспотевшей от пережитого ранее волнения.

Увы, я почти предала подругу, бессовестно следуя своему чувству, но в этот же день насмешки Артура снова возвратили меня в русло добропорядочности. Мы четверо вынырнули из метро и пошли в сторону лесопарка, туда, где изумрудная дымка полураспустившихся листьев дрожала в голубизне майского неба. Облюбовав две стоящие друг против друга скамьи, мы уселись на них привычными парами, раскрыли учебники химии. Скамейки стояли на некотором отдалении, и я не расслышала заданный мне Артуром вопрос. И не в том дело, что у меня в ушах были ватки, чтобы не продуло в ветренный день. В мыслях я все еще находилась там, в вагоне метро, с Артуром. Но и оставить уши незащищенными я не могла. День был хотя и солнечный, но ветренный – в те дни по Неве шел ледоход, и подхватить очередное воспаление уха перед экзаменами было бы совсем некстати.

Вопрос касался какой-то формулы – я считалась непрере-

каемым авторитетом в химии, к сожалению, только в химии и точных науках. Я попросила Артура повторить последние слова. Он с досадой мотнул головой:

– Да ну тебя, Долька, глухая тетеря! Лучше уж свой чепчик носи, чем уши ватой затыкать. Кстати, тебе следовало бы подлиннее отрастить волосы над ушами, чтобы нас не позорить своими затычками.

Мочки моих многострадальных ушей запылали кумачом, будто чьи-то руки в праведном возмездии за секунды счастья в метро надрали их. Витюша заступился за меня, промямлив что-то о том, что мои ватки почти незаметны, только если прямо в уши заглядывать. Этим он только подлил масла в огонь. Артур и Люсьена разразились дружным хохотом. Я, отбросив учебник в сторону, вскочила со скамьи и побежала по аллее прочь от насмешников. Кажется, Витюша потом догнал меня, пытался успокоить, но что для меня были его слова!

Позднее, когда появились плееры с наушниками, я решила свою проблему. Я всегда выбирала большие и теплые наушники и уже в университете перестала чувствовать себя белой вороной. Тогда вся молодежь слушала музыку на ходу, нацепив наушники. Теперь и вообще разноцветные пушистые наушники вошли в моду, как вариант головного убора. Я воспользовалась новыми веяниями среди первых. Мои студенты только восхищаются такой «продвинутой» пре-

подавательницы, несколько девчонок тоже нацепили разноцветные пушистые помпоны на уши. А иные даже сидели в них на лекциях.

Хотя теперь я прикрываю уши скорее по привычке, потому что они давно не беспокоят меня. Но подозреваю, что создала себе психологическую защиту, не хочу слышать, что нашептывает порой внутренний голос и что говорят другие. Надо будет с кем-нибудь из коллег проработать этот вопрос.

* * *

Пока я не то грезила, не то вспоминала, мрак за окном рассеялся. Скоро вставать. Я уже не чувствовала себя брошенной, как вчера. Напротив...

Застыв перед зеркалом ванной комнаты с зубной щеткой у рта, с пастой, пенящейся на губах, я думала о новых возможностях, подкачивая себя постулатами личностной психологии. Кир отчалил, ну и ладно. Неприятно лишь, что сбежал так трусливо, отделавшись запиской. Но с ним – уговаривала я себя – у нас перспектив не было: я чувствовала, что он человек безответственный, хотя в бизнесе как-то держится на плаву. Да он и моложе меня, ведь мне скоро исполнится... Не хочу больше о нем. И вообще, хватит случайных попыток, теперь всерьез возьмусь за устройство личной жизни. В брачное агентство можно сходить, пройти с претендентом

тест на совместимость, а потом уже лезть под одеяло.

Но насильно выстраиваемые мною планы не вдохновляли меня. Нет-нет да и выскакивала из каких-то закоулков мыслишка: а вдруг судьба сохранила Артура холостяком, чтобы дать мне шанс попробовать еще раз? Я категорически мотнула головой: не стоит себя тешить вредными иллюзиями: Артур и в Сети со мной по-доброму общается, пока я никаких видов на него не обозначила. Вспомнила, как он отзывался на сайте о девицах, желающих продолжить отношения в реале, – называл их липучки. Я их ряды пополнять не собираюсь.

Однако следовало решить, что сегодня надеть. После лекций заседание кафедры, значит, надо подобрать наряд поизысканнее: пойдет костюм с удлиненной юбкой. В обычные-то дни я в джинсах, бывает, прихожу лекции читать. Перед выходом посмотрела на термометр за окном и приятно удивилась: за ночь выпал первый снег, хотя столбик термометра застрял у нулевой отметки. Но раз снег появился, можно уже облачиться и в меха. Легкая шубка из благородной коричневой норки – едва доходит до бедер – в самый раз для такой погоды.

В прихожей последний раз взглянула в зеркало. И осталась довольна отражением: вчерашний «дринк» следов не оставил. Юбка и поблескивающий мех придавали мне элегантность, хотя в этой одежде я казалась себе взрослее, чем

привыкла считать. Недавно я начала отращивать волосы, и теперь они, приподнятые над затылком заколкой-крабом, открывали мое вполне симпатичное лицо: и большой лоб, и красиво изогнутые брови. Над ушами выпустила игривые локоны – специально подвигала, – чтобы смягчить присущую мне серьезность в облике. Сегодня я особенно нрави-лась себе. Жизнь не закончена, мы еще поборемся! А норко-вая шубка, пусть и подарена подлецом Киром, тоже добав-ляла мне уверенности.

2

В университет добиралась долго. Выпавший ночью первый снег утром под колесами начал таять, и даже главные улицы покрыло грязным месивом – моя малютка тонула в нем. В такую погоду непременно образуются пробки, и, застряв перед светофором, я с тревогой поглядывала на часы.

Сегодня после лекций на кафедре состоится предзащита. Леонид Александрович Лунин – ведущий доцент нашей кафедры – готовится предстать с докторской диссертацией. Мужчина, что называется, в самом расцвете сил. На кафедре к нему хорошо относятся, и он со всеми дружелюбен. У него и за пределами кафедры много знакомых и друзей. Активен чрезвычайно! Ездит на конференции, состоит в правящей партии и, пользуясь связями, выбил для нашего университета новые компьютеры. Однако при такой занятости находит время и для научной работы. Все прочат его в завкафедрой, уже и шефом привыкли называть, потому что нынешний, профессор Аношин, болен и дряхл, на кафедре редко появляется.

Кстати, я тоже диссертацию готовлю, пока кандидатскую, и как раз Аношин числится моим руководителем. Но из-за его болезни я на обочине оказалась. Кругом одни проблемы: найти рецензентов-оппонентов, втиснуться в план защит – все самой приходится пробивать, потому моя защита отодви-

нулась на неопределенное время. И без степени меня держат на ставке старшего преподавателя, а защитилась бы – доцента получила! Тем не менее статьи я исправно пишу, набираю публикации.

Мне интересно послушать выступление Лунина и потому, что тема его работы созвучна моим научным интересам: «Бессознательное планирование негативных результатов». Только моя работа с уклоном в семейную психотерапию, а его исследования касаются политики и выборов.

Колонна машин продвинулась, и вот уже показался наш Коммерческий университет. Учредители в свое время арендовали здание старой школы, привели его в порядок, потом выкупили в собственность и открыли частный вуз. Успешно набрали профессоров и доцентов для статуса – должны были прозвучать имена и регалии в документах на аккредитацию; остепененным по месту основной работы платили копейки, а здесь и вознаграждение достойное, и нагрузка невелика. А повседневный воз тянули рабочие лошадки вроде меня – старшие преподаватели.

Я припарковала машину, вошла в серое кирпичное здание с барельефами классиков на фронтоне и поднялась на четвертый этаж, где располагалась наша кафедра психологии.

Сняв в преподавательской свою восхитительную шубку, вызывающую зависть у наших теток на кафедре, задержалась у зеркала. Вопреки вчерашнему лечению сорокоградусным

«лекарством» мои глаза сверкали счастливым блеском. Сегодня подлость Кира уже не убивала меня. Сбежал – и ладно. Своим студентам я говорю, что каждый крах – это всегда новое начало, новые перспективы. Я столько раз предлагала им рассмотреть абстрактные примеры, а теперь проверю эту теорию на себе.

Все же, хоть я и пыталась бодриться, перспективы мои выглядели туманно. Съемную квартиру, прежде оплачиваемую Киром, придется освободить, потому что одной мне не потянуть арендную плату. И времена-то наступают непростые, нас, преподавателей, тоже уже коснулся финансовый кризис, в этом месяце задержали зарплату. Придется возвращаться к родителям, и у мамы опять появится возможность пилить меня ежедневно, как и много лет назад. Одно примиряет с этой перспективой: родительская квартира расположена удобно, в центре Питера, у Пяти Углов – до любого района за четверть часа можно добраться, если в пробку не попадешь. И в квартире у меня имеется отдельная комнатка. Не знаю, насколько обрадуются предки моему возвращению, но они любят меня, а я их. Начнем заново притираться друг к другу.

Свобода уже наполняла душу! Нет, не случайно мне сегодня приснился когда-то любимый Артур, мужчина моей мечты – мой Анимус по Юнгу. Такой сон – согласно теории великого швейцарца – означал мою готовность любить.

А вдруг я встречу человека, похожего на свою мечту. Артур – это прошлое, согласна, но за ближайшим поворотом может быть...

Однако громкие, возмущенные восклицания моих коллег вырвали меня из мира грез. Я, продолжая улыбаться, прислушалась.

– Вы представляете, как теперь будет решаться вопрос с оплатой, когда категории отменяют? Все будем зависеть от него! – Чей-то палец выстрелил в сторону кабинета доцента. Впрочем, кабинет был сейчас пуст.

– Ничего страшного! – вступила я в разговор. – Базовые оклады останутся. Леонид Александрович будет распределять только надбавки, не думаю, что на них отпустят значительную сумму. Притом у нас и вуз частный, мы мало зависим от государства.

– Вам, Дарья Гелиевна, легко рассуждать, – возразила одна из пожилых преподавательниц, формирующих общественное мнение на кафедре. – Вас-то муж обеспечивает, такую шубу и машину, извините, не приобретешь на преподавательское жалованье. А я, к примеру, одна живу. И хожу ежедневно в одной и той же кофте, заметьте, вынужденно. – Сотрудница одернула полы красного вязаного кардигана. Выглядело ее одеяние, на мой взгляд, вполне прилично.

«Какая тактичность! – усмехнулась я про себя на слова коллеги. – Случись такой спор среди базарных торговки, наверняка прозвучало бы слово «любовник», а тут все интел-

лигентно – муж!»

– Я тоже теперь одна, вчера муж ушел от меня.

Я отвела глаза в сторону, вдаваться в подробности мне не хотелось.

– Как он посмел! – тотчас сменила тон на сочувственный минуту назад осуждающая меня женщина. – Может, с нашей помощью вы сумеете его вернуть? Если желаете, приходите, Дашенька, вместе с мужем ко мне на беседу в консультационный семейный центр, я там по совместительству... Разберем конфликт всесторонне...

Только этого мне не хватало! Сдержав возмущение, я вежливо ответила:

– Спасибо. Я буду иметь в виду этот вариант. Однако я почти уверена, надежды на его возвращение нет. Представляете, он сбежал и даже не объяснился, только записку оставил на дверце холодильника.

– Вот как оно бывает, – неопределенно заметила другая преподавательница, то ли сочувствуя, то ли втайне радуясь моему, по их предположению, горю.

Прозвенел звонок. Разговор коллег прервался: преподаватели настраивались на предстоящие лекции, и лица их приняли серьезное выражение. И я тоже, сегодня с ноутбуком в руке, направилась в аудиторию, уверенно выбивая дробь каблучками туфель. Предстоял очередной раунд вечного боя со студентами. Теперь встреча со студентами не пугала ме-

ня, а когда-то...

Начинать, как и всем, мне было нелегко. Студенты, парни особенно, пытались меня подловить на неточности, смутить, забросать каверзными вопросами. Читай я другой предмет, не психологию, наверняка бы впала в растерянность, запаниковала. Но у меня было несколько хорошо освоенных психологических приемов, и с каждым годом я овладевала ими все лучше.

И нынешняя лекция шла без эксцессов: я показывала на большом экране подготовленные схемы из ноутбука, приводила примеры из жизни. Студенты, сидящие за длинными рядами столов, вели себя сносно, лишь влюбленные парочки изредка перешептывались, нарушая рабочую тишину. Но им я прощаю эту вольность, потому что прислоненные друг к другу головки, как желтые одуванчики на зеленой поляне, оживляют мою аудиторию.

Пока студенты перерисовывали в конспекты схему с большого экрана, я вспомнила, что и у меня первые отношения с мужчиной, с таким же желторотым однокурсником, сложились в университете, мы так же перешептывались с ним на лекциях. Мы провели с ним несколько беззаботных студенческих лет, но, получив дипломы, разбежались. И случилось это по моей инициативе: уж слишком часто, общаясь с ним, я мысленно сравнивала его с Артуром – поскольку и встречаться с бедным парнем начала лишь для того, чтобы выле-

читься от первой любви. Теперь рядом со мной нет ни глупого «желторотика», ни ветреного Кира. Зато снова появился в моей жизни абсолютно равнодушный ко мне Артур. И пусть мы только переписываемся по имейлу, в Сети, но волнение я начинаю испытывать вполне настоящее.

После лекции в расписании стояло семинарское занятие, там были «мои» студенты, выпускники гуманитарного факультета. И они чуть не сбили меня с намеченного плана.

– Это правда, Дарья Гелиевна, что вас муж оставил? – спросил один студент, всегда донимающий меня неудобными вопросами.

– Нет, неправда, – отчеканила я.

– Но как же... – осекся он, – слух прошел, что вчера...

У кого-то из наших теток на кафедре оказался длинный язык! Однако не успели студенты решить, что я пытаюсь от них скрыть обстоятельства личной жизни, как я ловко повернула разговор на тему занятия:

– Сегодня мы рассмотрим тему: почему все, что происходит с нами, нами же и предопределено. Ни один муж не уйдет от вас, – сейчас я обращалась к девочкам, – если вы сами не пожелаете этого!

– Как это? – недоверчиво переспросила студентка. – Мой отец оставил нас с матерью, когда мне было всего три года.

Мы поговорили со студентами о сознательных и подсознательных желаниях, о том, как они влияют на события, про-

исходящие с нами.

– Значит, Дарья Гелиевна, вы сами виноваты в том, что произошло?

– В каком-то смысле – да. Только я бы не стала тут говорить о вине, скорее о предпосылках.

Затем мы рассмотрели другие примеры, и, таким образом, моя беда перестала бедой, а перешла в контекст семинара.

Я едва успела перекусить в студенческом кафе перед заседанием кафедры. В два, как и было намечено, началась защита. Леонид Александрович встал перед белым экраном, куда с компьютера проецировались картинки. Я сидела на заднем ряду и новым взглядом рассматривала нашего зама. Чем не кандидат в мужья? Недавно развелся, выглядит сносно. Свой имидж он подгонял под облик вождя мирового пролетариата: такая же лысина с остатками волос над ушами, короткая бородка, лишь заметно скошенный лоб напрочь лишил его желаемого сходства. Как-то прежде я не замечала этой особенности, потому что не смотрела на него как на мужчину. Но вскоре я вслушалась в текст и вдруг ощутила полную растерянность, забыв о внешности выступающего: Лунин опирался на доводы, полностью заимствованные из моей статьи. При этом даже не потрудился дать ссылку! И эта статья лежала в основе моей собственной диссертационной работы. Она называлась: «Маскировка бессознательных желаний демонстративным поведением». В ней я развивала

теорию поведенческих игр Эрика Берна, но подтверждала примерами из российского уклада жизни. Леонид Александрович, разумеется, упомянул великого Берна, но проведенные мною полевые исследования по теме выдал за свои!

Он закончил говорить, вытер огромным платком капли пота с покатога лба, дежурно улыбнулся присутствующим, предложил задавать вопросы.

Меня охватило смятение. Если я сейчас промолчу, я потеряю к себе уважение навсегда! Вчера меня бросил мужик, сегодня этот тип нагло воспользовался результатами моей работы. Да, мне было страшно, потому что теперь у меня не было тылов, если меня выкинут с работы, я останусь без копейки. В то же время отчаяние придало мне сил: я резко вскинула руку вверх. Лицо Лунина сделалось непроницаемым, улыбку смело с его лица. Нехотя он кивнул.

Я, заикаясь от волнения, начала говорить. Сообщила, что в работе шефа использованы мои результаты. И может, я не расслышала, но он не дал ссылки на мои исследования.

– Ваши исследования? – Бесцветные брови шефа сдвинулись над переносицей, поскольку подниматься в уходящий назад лоб им было трудно. – У вас есть опубликованные работы по этой теме?

– Опубликованные работы? – Я растерянно приоткрыла рот. – Я вам отдала три месяца назад статью, вы сказали, что пристроите ее в хороший журнал.

– Я ничего не получал от вас, любезная Дарья Гелиевна.

Вы, должно быть, что-то забыли.

Я села. Потом выступали другие преподаватели, оппоненты и рецензенты, и обсуждение перешло в бесконечное «одобрямс», как будто и не было моего замечания. Я понимала, что никто не хочет портить отношения с влиятельным человеком, каким был Леонид Александрович Лунин. В итоге работа доцента была рекомендована для защиты в диссертационный совет. В мою сторону никто не смотрел.

Едва соответствующее решение было объявлено, как все поспешно стали расходиться. В комнате остались беспорядочно сдвинутые пустые стулья, и секретарь кафедры Галочка Тишкова стала расставлять их по местам. Я помогала ей.

Галя – абсолютно натуральная блондинка, почти даже альбиноска: и брови и ресницы бесцветные, когда не накрашены. Меня удивляет, почему ей родители такое имя неподходящее дали, ведь в природе все галки черные. Отношения у нас с ней простые, мы даже дружим, хотя она почти на десять лет моложе меня. Познакомились с ней в больнице. Мне лечили в ЛОР-отделении воспаление среднего уха, надеюсь, последнее, а Галя лежала там с гайморитом, нагноением носовых пазух. Она была еще студенткой и все время пребывания в больнице корпела над конспектами. И только перед сном у нас начинались откровенные беседы. Узнав, что я закончила психфак, пыталась получить у меня психологическую консультацию, как понравиться парням. Но, как известно, нельзя смешивать профессиональную помощь и де-

вичью болтовню в больничной палате. О чем я ей и сказала. Галя сразу, в отличие от многих, приняла этот закон, и наши беседы перестали быть обременительными для обеих. Я призналась ей, что тоже до третьего курса успехом у ребят не пользовалась, и даже рассказала ей свою историю неудачной школьной любви.

Мы продолжали общаться и после выписки из больницы. Галя напоминала мне меня в юности: и держалась скованно, и одевалась скучно – водолазки-свитерочки да джинсы. Зато теперь я с легкостью чередую брюки и юбки, строгие пиджаки и модный трикотаж. И ее к разнообразию приучаю.

Также выяснилось, что к своей будущей профессии инженера Галя тяги не испытывала – поступала, потому что конкурс меньше, – однако диплом получила своевременно. Долго не могла найти места работы и приноровилась программировать сайты случайным заказчикам. Поэтому была несказанно обрадована, когда я сообщила ей о вакансии референта – или просто секретарши – на нашей кафедре: оклад хоть и мизерный, зато постоянный. Обычно эту ставку студенты занимали, но Галя согласилась, решив, что продолжит подрабатывать изготовлением сайтов.

Расставив стулья, Галя вскипятила чайник и предложила мне присоединиться к ней. Теперь она уже не носила водолазки. На ней был строгий брючный костюм, черный, в узкую полоску, белая блузка с английским воротником и черный же, с приспущенным к груди узлом, галстук. Ее бесцветные

прямые волосы спускались ниже плеч по спине – вид и деловой, и сексуальный одновременно. Галя недавно пережила свой первый в жизни роман, тоже неудачный, а потому чувствовала себя теперь совсем взрослой и говорила со мной на равных.

– Ну, рассказывай, Дашуля. Отчего ты сегодня, как тигрица, набросилась на нашего Леонида Александровича? Все из-за Кира? Он тебя бросил, а ты на Лунине отыгралась? А ну как он возглавит кафедру? Ведь тогда тебя в два счета вытолкает вон.

– Кир здесь абсолютно ни при чем! – возмутилась я. – А то, что мне боком выйдет мое выступление, я и сама понимаю. Профессор Аношин опять в больницу угодил на какое-то обследование. А кроме него, меня никто не решится поддержать! Ну а ты что предлагаешь мне: молчать? У меня в статье были такие красивые результаты, теперь все коту под хвост. Уже никуда с ними не сунешься.

– И все же ты не зли тигра, извинись перед Луниным, скажи, что перепутала там что-то.

– Галя!!! – Я резко встала, опрокинув стул.

– Ладно, ладно, Дашуля. – Галя подняла упавший стул, усадила меня осторожно, словно больную, положила руку на плечо. – А из-за Кира ты тоже не переживай. Сама ведь говорила, что он не понимает тебя.

– Меня не то убивает, что он ушел, а то, как он это сделал! Ничего не объяснил, не предупредил, прилепил к холодиль-

нику записку и был таков!

Я снова поднялась на ноги, подошла к окну. На улице уже стемнело. На парковке перед университетом почти не осталось машин, и только мой яркий «лимончик» светился, как фонарь, перед входом.

Галя потрянула своей белоснежной гривой, переживая за мои обиды. Потом, чтобы подбодрить меня, произнесла:

– Может, он еще вернется?

– Вернется? – Голос мой стал звонче. – А мне надо? Я ведь его никогда по-настоящему не любила!

– Ты никогда прежде об этом не говорила. Тогда я не пойму: ты горюешь или радуешься?

Я снова уселась, взяла бутерброд с сыром и надкусила его.

– Понимаешь, сожаление о потерянном – это невроз.

– Невроз? Вроде того, о каком ты мне когда-то рассказывала? О любви к своему однокласснику. Его Артур звали, да? О том, как плакала ночами, когда он куда-то уехал с родителями.

Я хотела небрежно ответить Гале, что письма этого одноклассника теперь лежат у меня в электронном ящике, но, разглядывая розово-синий узор по бокам чашки, решила промолчать.

Я помнила выпускной вечер в мельчайших подробностях. Мы с Витюшей стояли в полупустынном коридоре у подоконника, а из актового зала доносилась музыка – и он ска-

зал, что собирается ехать с родителями в Прагу, куда отца переводят по работе. Хочет посмотреть новую страну и учебу продолжит, скорее всего, за границей. Отец готов оплатить ее.

У нас в то время платных отделений не было, а преодолеть барьер вступительных экзаменов в государственном вузе для Вити, с его тройками в аттестате, было почти нереально. Кроме того, здесь ему светила армия, куда он не жаждал идти.

Я слегка удивилась этому его решению, но беспокойство у меня вызвала мысль: а как Артур? Он тоже уедет с семьей? Тогда в России все кувырком шло: нищета, безработица. Возможность вырваться за рубеж многим казалась счастливым решением проблем.

– Артур еще не решил, поедет ли он с нами, – недовольный моим вопросом, поморщился Витя. – Да и я... Если бы ты любила меня, Долька! Без раздумий здесь бы остался, хоть мне и грозит в армию загреметь.

Витя ненадолго замолчал, с надеждой глядя в мои глаза. Вдруг его надежды оправдаются. Но я была беспощадна к нему и, откинув голову назад, высокомерно произнесла:

– Останемся друзьями, Витя. И никогда больше не заводи этот разговор.

Тогда он засучил рукав белой нарядной рубашки и предъявил мне доказательство своей преданности, вытянув передо мной руку ладонью вниз. Между локтем и кистью, на вос-

паленной коже я увидела неровную, похожую на баранку синевато-черную наколку в виде буквы «Д». От нее отходили маленькие лучики, как от солнца.

– Твое имя, Долька, всегда будет со мной.

Я расхохоталась! И сказала, что расшифровка буквы – «дурак»! Какой жестокой я была, я – «девочка в чепчике»! Сама нескладная, с ватками в ушах, я все же считала Витюшу парнем, недостойным себя. Продолжая смеяться, я заметила Артура и Люсьену, входящими в коридор с лестничной площадки. Наверняка они там целовались, поскольку выглядели заговорщиками, хранящими общую тайну, а рука Артура обнимала Люсину талию. И тогда я, закатываясь в последних приступах смеха над Витиной татушкой, вдруг зарыдала. Я поняла, что Артур никогда не станет моим. Витюша с тревогой взглянул на меня и предложил носовой платок. Он продолжал успокаивать меня, пока я сквозь рыдания не бросила ему в лицо:

– Чего пялишься? Оставь меня в покое! Я тебя ненавижу. Я люблю Артура!

Чай в моей чашке остыл. Галя легонько коснулась моей руки – я очнулась. Она, глядя на меня наивным, каким-то рыбьим взглядом, робко спросила:

– А что, твой Артур так и не объявился во взрослой жизни? Ты не искала его в Сети, на сайтах «Одноклассники», «В контакте»?

И тут, вопреки своему решению молчать, я с торжествующим видом выпалила:

– Его и искать надобности не было! Сам объявился. Теперь засыпает мой ящик своими письмами. Только у меня времени лишнего нет с ним философствовать.

Сказав так, я тут же устыдилась своих слов. Такого со мной еще не было, чтобы похвалиться тем, чего нет. Видно, устала от пощечин, полученных в эти дни!

– А про что вы пишете друг другу? – Любопытство засветилось в рыбьих глазах Гали.

– Думаешь, у меня время есть что-то содержательное ему писать? На работе не до того, а вечерами мы с Киром... – Я осеклась, ведь этого «мы» больше не существует. И менее уверенно завершила фразу: – Вот теперь, когда Кир сбежал, может, и напишу Артурчику большое любовное письмо. – После этих слов на моих глазах показались слезы, и Галя поняла, что мне хреново.

– Хочешь, я к тебе сегодня приеду, Даша? Мы тебе блог на хорошем портале заведем, познакомишься с кем-нибудь в Интернете. Я знаю, где лучше.

Я покачала головой. Обращаться к Гале за помощью я не собиралась. Как не собиралась искать женихов в Интернете или тем более пытаться оживить отношения с Артуром. Что прошло, то прошло. Я точно знала, что нельзя поддаваться ностальгии и оборачиваться назад. До добра такие попытки не доводят. Люди меняются с возрастом, и только инфан-

тилы ищут в бывших одноклассниках «того парня» или «ту девчонку».

Надев шубку, я попрощалась с Галей и уклончиво сказала ей, что пока нет необходимости в ее помощи. Я привыкла полагаться на себя.

* * *

Я неприкаянно бродила по квартире, сломленная навалившимися на меня обстоятельствами: ни мужа, ни карьеры. Опять было взялась за бутылку, но, погладив пальцем этикетку, благоразумно поставила спиртное на место: слишком хорошо я, как психолог, знала о последствиях таких пристрастий, чтобы пренебречь этим знанием. Включила телевизор: на всех каналах или стреляли, или целовались – ни то ни другое сейчас не привлекало моего внимания.

Если бы была возможность всесторонне обговорить ситуацию с понимающим человеком! Но по-настоящему близких друзей у меня нет: Галя слишком молода и неопытна, чтобы стать советчицей, а Люсьена просто не способна задумываться над проблемами. К ней можно обратиться за конкретной помощью: пройтись по магазинам в поисках нового наряда, пожаловаться, что где-то болит. Кстати, со вчерашнего дня у меня заболела шея, с трудом поворачивается. Это тоже понятное дело – огорчения часто переходят в соматику. Может, попросить Люсьену сделать массаж, ведь массажистка

она классная!

Едва я подумала о Люсьене, как зазвонил телефон, и в нем прорезался ее голос. Разговор удивил меня: вместо обычных, нудно долгих рассказов о своей особе, подруга проявила интерес к моим делам. Спросила о самочувствии, о работе, о том, что подельывает Кир. В ее голосе звучала странная тревожность: так иногда разговаривают с тяжелобольными. Что случилось с Люсьеной, откуда такая чуткость? Массажистка-то она отменная, но экстрасенсорных способностей у нее я прежде не замечала.

– Люсенька, ты прям как баба Ванга стала: чуешь, что не все ладно в Датском королевстве, – сказала я с легкой насмешкой. – Так вот, сообщаю: Кир больше не живет со мной – бросил, кинул, сбежал.

– Бедняжка! Когда это случилось? Он нашел другую женщину?

– Уехал вчера. Про женщину мне ничего не известно, но, наверно, без знойной красотки здесь не обошлось.

Люсьена замолчала, я слышала только ее вздохи в трубке. Сочувствие подруги мне было сейчас очень кстати.

– Да-а-а. Все мужики сволочи! – изрекла она и замолчала.

После паузы она переменяла тему:

– Но ведь у тебя появился Артур. Ты говорила, что вы в Интернете уже личными письмами обмениваетесь. И о встрече в реале небось договорились?

– Люсьена! Ты никак ревнуешь? Уверяю тебя, для этого

нет ни малейших оснований! Мы с ним просто обсуждаем на портале общие вопросы, ничего личного.

Будто не слыша моих слов, подруга с тоской продолжила: – Эх, какую дурочку я по молодости сваяла! Сейчас была бы женой известного писателя. Но Артур, видите ли, не простил мне измены. Даже в Интернете не пожелал со мной лично общаться. Сослался на занятость, что, мол, много работы и продолжить переписку со мной он не может. И это при том, что в школе по уши был влюблен в меня. Подумаешь, ошиблась я в юности, так сколько воды с той поры утекло! Ты ведь помнишь, как нелепо все сложилось?

Эту историю я помнила хорошо, поскольку поведение Люсьены давало мне шанс на внимание Артура. Тогда по глупости я считала, что если бы не крутилась рядом Люсьена, то Артур полюбил бы меня. Он взгляделся бы в мою душу, оценил бы мой богатый внутренний мир и те де, и те пе...

Все в нашем классе считали, что после школы Артур и Люсьена поженятся. Они наметили это торжество на конец лета. Артур уехал в Москву штурмовать МГИМО, он решил пойти по стопам отца, стать журналистом-международником. А Люсьену родители отправили в Сочи, к родственникам на отдых. Она собиралась определиться с будущей профессией осенью, поскольку не рассчитывала попасть в вуз. Однако Артур не прошел по конкурсу, а вернувшись в Питер, обнаружил дома письмо от Люсьены. В нем она про-

сила забыть ее и простить, потому что она полюбила своего дядю, живущего в Сочи, и собирается за него замуж. Только в юности возможны такие скоропалительные решения. Сорокалетний дядя, работник местной администрации, сумел вскружить племяннице голову. Ей затмили разум и его служебное положение, и богатый особняк, и внешний шарм. Девочка из рабочей семьи увидела шанс подняться по социальной лестнице без особых усилий, причем сразу, немедленно.

Артур с разбитым сердцем, вслед за Витей, уехал к родителям, в Прагу.

А Люсьена через несколько месяцев вернулась в Питер и вскоре родила ребенка. Проклиная всех мужиков, она передала сына Васю на воспитание бабушке, своей матери, и пошла учиться на медсестру. Разумеется, тогда же она рассказала мне, что жених-чиновник оказался подлецом. Дядя прямо почти накануне свадьбы переметнулся к другой невесте, дочке министра. Он, как многие политики, ставил на первое место карьеру.

Неправдоподобно быстро Люсьену постигло возмездие за ее собственную измену Артуру – но в жизни и не такое случается. Люсьена с ее легким характером горевала недолго. Помимо училища она окончила курсы массажистов, работала, заводила любовные связи. Жила, что называется, на полную катушку.

Ныне Васе было уже шестнадцать лет, и он учился в профессиональном лицее на повара.

– Все эти полудетские влюбленности сейчас кажутся такими смешными, – нейтрально заметила я.

– А тогда было не до смеха. Неужто забыла, как сама только о том и мечтала, чтобы отбить у меня Артура? – В трубке послышались легкое кудахтанье.

– Отбить Артура? Как тебе пришло такое в голову? – поспешно возразила я.

– А разве не правда?

– Правда, правда, – сдалась я и делано рассмеялась. – Но все это былем поросло. Ручеек давно пересох, и русло травой заросло.

– Но сейчас, когда Кир тебя оставил, а Артур к тебе в Интернете прибился, ручеек вновь может водичкой наполниться! – продолжила мою метафору Люсьена. Умеет она, оказывается, умное словечко вставить.

О том, что Артур вчера приснился мне, я Люсьене не сказала.

Телефонный разговор так взволновал меня, что, повесив трубку, я сразу включила компьютер и зашла на сайт «В контакте». Меня уже ожидало очередное письмо от Артура. Я щелкнула мышью по опции «читать».

Снова в прямоугольнике справа я увидела его фото. С особенной пытливостью я вглядывалась сегодня в округлое ли-

цо Артура, чтобы отыскать мало-мальские признаки мужественности, отличающие его в юности. Не может быть, чтобы время все растворило! И я увидела, что хотела! Какой пронизательный взгляд! И с давнего времени знакомая вмятина на переносице, будто у непобедимого боксера, показалась мне красноречивее, чем в прошлый раз. И в вырезе глубокой рубашки я разглядела мощную, выразительную шею. Сегодня будто пелена спала с глаз, и я поняла, что Артур стал по-новому интересен для меня. В нем удачно соединились прежнее «ковбойство» и нынешняя обстоятельность, серьезность. Я уже не замечала ни его двойного подбородка, ни нелепого клочка волос надо лбом. Во мне вновь загорелся неуверенный огонек желания. Легкий озноб охватил меня, я встала и накинула на плечи теплую кофту. Вернулась к компьютеру и вновь сосредоточилась на тексте. Интонации письма были сдержанны: «Привет, Долька. Сообщу горестную вест: Вити уже нет на белом свете. Я про него ни тебе и никому из наших ребят не сообщал, потому что опасался, что это может как-нибудь до бабули дойти. Мы с родителями от нее скрываем, что Витя погиб, ведь она души в нем не чаяла. Так что на всякий случай предупреждаю, если бабушку вдруг на улице встретишь, про Витю ни слова. Ведь твои родители по-прежнему по соседству с ней живут? Смотри Люсьене не говори, на ее умение хранить тайну я тем более не полагаюсь. А вообще в письме всего не опишешь, что с нами происходило. Если у тебя есть скайп или другая программа

для живого общения, то давай договоримся, когда нам обоим будет удобнее, выйдем на связь. Тогда я расскажу тебе все подробнее. Я предпочитаю диалог, а не эту тягомотную переписку».

Мысль о гибели незаметного Витюши расстроила меня. Да, я не любила его и считала посредственностью, однако он был частью моей юности. Я открыла тумбочку и извлекла из ее недр старый школьный альбом. Вглядываясь в лица братьев, я вдруг увидела, как схожи их черты, хотя тогда они казались мне абсолютно разными. И неудивительно. Витя даже на снимке выглядел испуганным истуканом: нелепо сжатые губы, выпученные глаза, наверное, среагировал на вспышку. Зато Артур, чье фото красовалось в овальном окошке рядом, уже тогда смотрелся победителем: подбородок вздернут, брови вразлет, улыбка почти до ушей – и это при том, что все остальные выпускники старались выглядеть серьезно.

Назад, в тумбочку, я убирать альбом не стала, потому что все равно пора паковать вещи и готовиться к переезду. Этот вечер я и посвятила неспешным сборам. И еще: я вывела наконец на принтер цветное фото Артура из ноутбука. На нем Артур улыбался почти так же, как на фотографии в выпускном альбоме, – и только задора в его нынешней улыбке было меньше, чем прежде.

Вскоре я вернулась в родительскую квартиру, и жизнь моя стала совсем тоскливой. Не было отрады и в работе. Я отводила глаза, сталкиваясь с Леонидом Александровичем, потому что мне было стыдно за него, за наглое воровство моих идей. Всегда больно разочаровываться в человеке. Ведь он казался таким открытым, радушным. К праздникам дарил всем женщинам сувениры и мне всегда улыбался приветливо. И именно он, услышав мое выступление на конференции психологов два года назад, пригласил меня работать на кафедру. Теперь-то я понимаю, что его привлекла не я, а тема, созвучная с темой его диссертации. Дальновидный мужик, ничего не скажешь. А мои наработки теперь можно выбросить за ненадобностью. Ведь Лунин не только ловко выкрутился, сведя на нет мои обвинения, но выставил меня перед всей кафедрой слабым специалистом.

Галя передавала мне слухи, циркулирующие на кафедре. Большинство считает, что я повела себя неразумно: вначале, говорят, пусть защитится, а потом можно и права качать. А иные думают, что я принимала только техническое участие в работе, помогала доценту проводить социологические опросы, так что и возникать нечего. И однажды сам Лунин подошел ко мне и отеческим тоном заявил:

– Дашенька, не спешите поперед батьки в пекло. После

своей защиты я помогу и вам определиться с диссертацией. Вам следует изменить направление исследований, приблизить их к сегодняшнему дню.

Каков наглец! Я чуть не плюнула ему в глаза, но сдержалась. Я уже решила искать новое место работы, но, пока не нашла, приходится терпеть его издевки.

Дома тоже стараюсь выглядеть беззаботной, не реагирую на мамины колкости. Она предупреждала, что Кир примитивен и мне не пара, а я ее не послушала, вот теперь и кукую одна – это ее выражение. Представляю ее реакцию, расскажи я, с каким нахальством он кинул меня. Но я молчу, однако не перестаю думать о том, что заставило его бежать с такой поспешностью. Пыталась звонить ему на мобильный, но ответом было «абонент вне доступа». У Кира десяток мобильных, и он вполне может выкинуть один. Я поставила точку в этой истории и решила больше не искать с ним встречи.

Зато все живее становится моя переписка по Интернету с Артуром. Вечерами я надолго зависаю перед компьютером, паря между небом и землей. Понимаю, что в реале ничего серьезного быть не может, но уже не могу без его писем.

Не забывает меня и Люсьена. Звонила, интересовалась, как я привыкаю к своему одиночеству, сочувствовала, что я теперь вынуждена жить с родителями. А на днях пригласила к себе в массажный кабинет. Обещала обслужить бесплатно, по-свойски – знает, что я в долгу не останусь. Год назад я немало времени потратила на ее непутевого Ваську, помогая

как психолог определить его склонности. Выбор-то мест для учебы у парня был невелик: еле одолел девятый класс, в свидетельстве пестрели одни тройки. Теперь доволен – учится на повара.

Я улеглась животом вниз на высоком массажном столе, опустив лицо в овальный вырез на его краю, – мои глаза смотрели в пол, на желто-коричневые разводы линолеума. У Люсьены мощные, крепкие руки, ладони с лопату, но пальцы ее так ловко и умело гладили и мяли мою спину от головы до копчика, что по телу разливалось приятное тепло. Работа руками не мешала Люсьене болтать. Ругала Ваську, говорила о ценах, попутно жаловалась на усталость и слабость. Это с ее-то лошадиным здоровьем! Не может понять, что всех денег все равно не заработаешь – ослабила бы прыть. Также интересовалась тем, притерпелась ли я к отсутствию Кира. Однако я не могла отвечать ей в своем неудобном положении и только слушала. Но Люсьена не очень и нуждалась в моих ответах – мысли ее постоянно скакали, а слова не поспевали за мыслями. А когда она вспомнила об Артуре и спросила, как идет наша переписка, я порадовалась, что имею право не отвечать.

Потому что секундой ранее, разомлев от массажа, я увидела вдруг среди размытых разводов напольного узора лицо Артура. И как бы часто я ни моргала, избавиться от возникшего наваждения была уже не в силах. Некстати вспом-

нилось научное объяснение: подсознание видит то, что хочет видеть – хоть в облаках, хоть в кофейной гуще, хоть в рисунках на линолеуме. Тесты Роршаха на этом основаны. И вновь пересилило иррациональное – какой выразительный портрет!

Ничего общего с неудачной фотографией из почты, где его улыбка кажется слегка вымученной. Изображение, увиденное мною сейчас на полу, было навеяно нашим недавним сеансом видеосвязи в Интернете. Поскольку веб-камера была только у Артура, я могла лицезреть его, сама же оставалась невидимкой. Он сидел за сотни километров от меня, у своего компа. Изображение было нечетким: скользкие тени, случайные блики, сдвоенные линии, но движение превращало образ в живого человека – теперь я окончательно узнала своего Арта! Обхватив ладонями пылающие щеки, пыталась усмирить свое волнение и радовалась, что собеседник меня не видит. Когда сон становится явью, трудно сохранять спокойствие. А голос Артура, низкий с хрипотцой, был для меня абсолютно нов и совершенно завораживал. Я с трудом улавливала смысл того, о чем он говорил. Между тем Артур вспоминал о первых годах пребывания за границей и о поздних, уже печальных событиях в его семье. Рассказ впечатлил меня.

Какое-то время братья Палецкие учились в одном из университетов Праги, совмещая редкое посещение лекций с необходимостью зарабатывать деньги на обучение. В их уни-

верситете не исключали за неуспеваемость, отчисляли только за неуплату, так что братья со временем перешли в разряд «вечных студентов». Они участвовали в манифестациях, зеленом движении, увлекались музыкой и девушками. Подрабатывали на бензоколонке, в кафе. Артур начал писать статьи, подумывал о карьере журналиста, но затем его увлекло писательство. А Витя так и оставался неприкаянным, немного переводил, но ничем особенным себя не проявил, разве что сумел окончить курс и получить степень бакалавра гуманитарного профиля. И когда мой Артур – я смею назвать его моим – уже определился с призванием и продолжал идти к своей цели – публикации книги, Витя бездумно путешествовал на отцовские деньги по миру.

Отца братьев Палецких продолжали перекидывать по работе с места на место, пока он не оказался в Югославии. В то время там уже шла гражданская война между сербами и хорватами. И бедный Витя, приехав погостить к отцу в не слишком подходящее для этого время, попал в Белграде под натовские бомбардировки и нелепо погиб.

Отец после потери младшего сына начал сильно болеть и вскоре был отозван из корреспондентов. Вернувшись в Россию, старшие Палецкие обосновались в Москве, поскольку сумели там заблаговременно купить квартиру. Со временем они собирались перевезти к себе и бабушку из Питера, но, пока та была на ногах, она противилась переезду.

Артур вернулся на родину недавно, когда в России уже

было издано несколько его романов. Он надеялся стать своим человеком в московской писательской тусовке, получать премии и проводить автограф-сессии, одним словом, быть поближе к своим читателям. В Москве он жил на съемной квартире. Под конец телефонно-интернетовского разговора Артур сказал, что на днях будет в Питере, едет навестить бабушку, и уже взял билет на «Красную стрелу» на ближайшую субботу. И неуверенно спросил, захочу ли я встретиться с ним.

Я удивилась его робости. Кажется, мы поменялись ролями, теперь я стала смелее его и сама назначила место и время.

Однако, когда подошло время исполнения мечты, я начала трусить: вдруг все покатит не так, как хочется. Я зажмурила глаза, чтобы не выделять из очертаний напольного рисунка тревожащий меня абрис. Но теперь лицо Арта возникло и при закрытых глазах – я снова оказалась в капкане чувств.

Люсьена в последний раз прошла руками вдоль моего туловища, постукивая ребрами ладоней, и объявила, что процедура закончена.

– Не уснула? – заботливо поинтересовалась она.

Я перевернулась на спину – яркий свет люминесцентной лампы рассеял все наваждения. Передо мной маячила лишь могучая, осанистая фигура моей подруги. К концу сеанса

широкоскулое лицо Люсьены слегка порозовело от усердия. Хотя сейчас, после ее жалоб на усталость, я заметила, что она впрямь слегка похудела: клиенты-то один за другим идут, без передыха. Но, постройневшая, она выглядела лучше, на мой взгляд. В свою очередь, Люсьена участливо поинтересовалась:

– Как самочувствие? Голова не кружится?

– Спасибо, Люсенька. Все замечательно!

Немного полежав в расслабленной неге, я встала и оделась.

Люсьена уже разливала чай по чашкам в закутке своего кабинета.

– Садись, Долька, поболтаем. У меня следующий клиент только через четверть часа. Я решила себе маленькие перерывчики хоть раз в день устраивать. Когда в следующий раз придешь?

– Неудобно тебя напрягать. Если согласишься брать с меня деньги, как с прочих клиентов...

– О деньгах забудь! Приходи, не стесняйся. Только предупреди, чтобы я тебя в график вставила.

– Спасибо.

– Ты так и не ответила: как ваша переписка с Артуром? Он сюда приезжать не собирается?

Оказывается, мысль об Артуре не оставляла подругу, раз она снова вернулась к этой теме. Как-никак он и для нее был первой любовью, и даже взаимной. Но я приняла решение

не посвящать ее в подробности. Это будет только моя история. А Люсьена, если пожелает, сама может написать Артуру: адрес знает, и общение в Интернете никому ни заказано. Поэтому я ответила небрежно:

– А ты сама поинтересуйся его планами!

Я передернула плечами, с трудом сдерживая раздражение: видит, что я не желаю обсуждать эту тему, и все же пристает с расспросами.

– Почему ты злишься, Долька? Зря, что ли, я тебя тридцать минут мяла? Расслабься, дыши глубже. Я собиралась тебе одну новость о своей жизни сообщить, но раз ты секретничаешь, то и я ничего говорить тебе не буду.

– Разве я секретничаю? Просто предложила тебе самой Артура спросить. Ты ведь можешь написать ему.

– Я тебе говорила, что он свернул переписку. Что писателю обсуждать с простой массажисткой! Хотя, столкнись мы в жизни, у меня нашлось бы, чем заинтересовать его. Посмотрела бы я, кого из нас он выбрал бы для своих бесед.

Я усмехнулась: Люсьене кажется, что она так же неотразима, как в десятом классе, а я, по ее мнению, всего лишь умненькая дурнушка. Однако теперь я знаю себе цену: и одеваюсь со вкусом, и внешне привлекательна – посещаю салоны, слежу за фигурой, и опыт интимных отношений у меня имеется. Про ум и эрудицию и говорить нечего, тут даже сравнение неуместно. И все же при всей нынешней моей уверенности в себе я не была уверена в выборе Артура. Го-

ворят же, что старая любовь не ржавеет. Вряд ли он совсем забыл Люсьену. Нет, сообщать подружке о приезде Артура не стану.

* * *

Промозглый декабрьский вечер мало располагал к прогулке. Но я, не подумав о прогнозе, предложила Артуру встретиться именно здесь, у памятника Достоевскому. Мокрый снег у земли превращался в капли воды, лишь в воздухе, под фонарями кружились вполне веселые снежинки. Снег покрыл и склоненную голову гранитной фигуры писателя, установленной на оживленном пяточке пешеходной улицы. Этот памятник находился между моим домом и домом бабушки Артура, где он остановился, так что каждому из нас до этого места идти не более пяти минут. Первая встреча после целой вечности! Я слегка волновалась, не ждет ли меня разочарование, хотя уже начала привыкать к увиденному по Интернету нынешнему облику любимого.

Мы с Артуром могли бы показаться подросткам, тусующимся с банками пива, просто стариками, но по ощущению нам снова было по семнадцать лет. Под насмешливыми взглядами тинейджеров Артур не постеснялся, взял в свою руку мою ладонь и церемонно поцеловал ее. Он держался, как прежде, независимо! И хотя теперь, раздавшись вширь, он показался мне немного ниже, чем в юности, и черты ли-

да потеряли утонченность, все же весь облик его стал значительнее. Впрочем, мне было уже не важно, как он выглядит – мой друг вполне соответствовал моим представлениям о новом Артуре, о настоящем писателе.

На Артуре была надета темно-синяя спортивная куртка с капюшоном, откинутым назад. Я несмело дотронулась до капюшона и натянула Артуру на голову. И не столько для того, чтобы защитить его от падающего мокрого снега, сколько желая разорвать завесу отчужденности, все еще разделяющую нас.

Артур с удивлением посмотрел на меня, улыбнулся: видно, он заметил, что я стала намного смелее, чем в школьную пору. Затем склонился к моему лицу и поцеловал еще раз – теперь в лоб, как заботливый дядюшка. Подростки, расположившиеся по соседству, наблюдая сцену нашей встречи, вначале лениво ухмылялись, потом стали подначивать моего нового старого друга, побуждая к более горячим поцелуям.

Артур шутливо погрозил им кулаком и, взяв меня под руку, отвел в сторону.

– Ты совсем не изменилась, Долька, только похорошела, обрела свой стиль.

– И ты все тот же... Арт, – отозвалась я, почти не лукавя.

Все наслаения времени: и легкая тучность, и глубокие залысины надо лбом, так искажающие рисунок лица, тоже расплывшего, уже не имели для меня никакого значения.

– Тут есть где-нибудь приличный ресторанчик? – спросил

он, оглядываясь.

– Вокруг муравейник из ресторанов и кафе, но сейчас везде полно народу. Разве что пойти в кафе к кришнаитам, если ты, конечно, не законченный мясоед. У них, к сожалению, только легкая пища.

– Ты намекаешь на мой излишний вес? – широко улыбнулся Артур. – Впрочем, еда меня сейчас не волнует: бабушка накормила до отвала. Но, надеюсь, выпить у них найдется что?

– Не уверена, – задумалась я. – Пошли посмотрим.

В кафе кришнаитов спиртного не подавали, зато мы оказались чуть ли не единственными посетителями, а потому остались. В этот час в другом месте мы едва ли нашли бы свободный столик. И я любила это кафе, эти стены, расписанные золотыми изображениями Будды. Мы сели за угловой столик и, заказав пиццу с грибами и пару овощных салатов, стали ждать заказ.

Глядя на волшебный лотос, украшающий стену, я думала: неужели он расцвел для меня? Вот сидит напротив меня мужчина моей мечты, мой Артур! Могла ли я надеяться на такое счастье, проводя время с другими? Сейчас рюмка-другая облегчила бы нам сближение, помогла бы прорваться словам – ведь мы, теперешние, были почти незнакомы. Но здесь не позволялось пить... Зато острее чувствовались все эмоции: влюбленность, возможность невозможного и стыд, возникший неведомо отчего. Я боялась раскрыть рот

и вспугнуть охвативший меня восторг.

– Здесь жарко! – Артур разделся, повесил куртку на стоящую рядом вешалку.

Помог снять пальто и мне, пристроил его на тот же крючок. Наши вещи уже обнимались, а мы еще оставались незнакомцами. Артур протянул руки через стол и коснулся моих ладоней:

– Ну, здравствуй еще раз!

По нашим сцепленным рукам побежала дрожь. Или эти токи ощущала лишь я?

– Ты прямо вся наэлектризована, – сказал Артур. – Ты всех мужчин так обжигает, Долька?

Наконец-то! Не утерпел, начал иронизировать! Артур и прежде не мог обходиться без иронии, и теперь... Что ж, я готова поддержать пикировку:

– Через одного! – и, глядя его пальцы, весьма тонкие, добавила: – С такими пальцами ты мог бы стать музыкантом, а не писателем. Кстати, я купила несколько твоих книг и уже прочитала. Фантазия у тебя богатая!

– Не надо сейчас о книгах.

– А я думала, что писателям нравится, когда говорят об их творчестве.

– Да, но только не сейчас. Лучше расскажи что-нибудь о себе.

– Я тебе писала: мужчины рядом со мной были, но как-то не удержались. Последний гражданский брак тоже недав-

но развалился. Подступала к работе над диссертацией, но и там облом. Но в целом все приемлемо: преподаю в универе и крыша над головой имеется.

Принесли пиццу с грибами. Несколько минут мы ели молча. Я выковыривала из теста сочные шампиньоны, не замечая этого – будто ужинала дома, а не в общественном месте. Но Артур подметил мою привередливость и, улыбаясь, спросил:

– Расскажи все, не выковыривай факты, как для анкеты. Расскажи главное: ты любила кого-нибудь, кроме, разумеется, меня?

Эта улыбка была мне почти незнакома. В ней теперь было больше грусти, чем прежней победоносной уверенности.

Что я могла ему ответить? Что старательно избавлялась от своих болезненных чувств к нему? Что казалась себе влюбленной каждый раз, как с кем-нибудь начинались новые отношения? Даже сейчас во мне не было уверенности в том, что возродились мои прежние чувства. Может, на них наложилось нечто новое, что я испытываю к этому почти незнакомому мне мужчине, писателю с именем. Нет, я не буду портить замечательный миг нашей встречи необязательными словами и копаниями в себе.

– Ну зачем тебе, Арт, пытаться меня о прошлом? Ты ведь не любовные романы пишешь! Лучше расскажи о своих похождениях, раз уж сам завел разговор.

– Какие похождения могут быть у писателя?! Так, мимо-

летные отношения со случайными женщинами! Я ведь почти все время провожу за компьютером, потому и семью создать не удалось. Но тебя я не забывал, честное слово!

– Хм... Меня? Когда вспоминал Люсьену? За компанию?

– Ну при чем здесь Люсьена! – с досадой воскликнул Артур, сощурился глазами, и неохотно добавил: – Надеюсь, ты помнишь, как она со мной обошлась. Мужчины предательства не прощают. Давай не будем больше о ней, хорошо?

Я тоже не хотела говорить и думать о прошлом, о Люсьене. В конце концов, сейчас мы с ним – другие люди. Писатель Артур Палецкий и преподаватель вуза Дарья Ветрова! В новом, так сказать, воплощении – кафе кришнаитов навело мысли о нескольких жизнях.

Скоро неловкость первых минут прошла. Когда нам принесли чай с фруктовыми пирожными, мы беседовали весело и непринужденно, не касаясь судьбоносных моментов каждого. Мы были словно начинающие влюбленные, сделавшие полшага от дружеских отношений к более глубоким. Оказалось, что нам нравились одни и те же книги, мы оба любили смотреть фигурное катание и игнорировали футбол. И оба смотрели на жизнь с легкой иронией.

Покинули кафе в легком хмелю, возбужденные не вином, а друг другом.

Хотя мы шли медленно, до моего дома добрались за десять минут. Снег уже окончательно превратился в дождь.

Вошли через низкую подворотню в полутемный двор, освещенный лишь светящимися окнами квартир. Остановившись у двери подъезда, одновременно потянулись друг к другу, обнялись – мои пальцы скользили по его мокрой куртке, а руки Артура с силой обхватили меня. Наши губы, как слепые котята, поискали друг друга... И сомкнулись.

– Нет, я так не могу. – Артур резко отстранился. – Я в конце концов – не мальчишка. Пойдем к тебе, у тебя ведь отдельная комната?

Я стояла опустив голову. Мне нужен был этот почти юношеский невинный поцелуй, мне требовалось отыграть свои давние мечты. Да, мы оба были взрослыми людьми. И начало было таким обещающим, что уже не возникало сомнения в финале. Однако я не могла решиться на то, чтобы позвать Артура к себе:

– Дома родители. Прежде чем мы сможем уйти ко мне, тебе придется выполнить ритуал вежливости. Мама всех, кто приходит ко мне домой в первый раз, потчует чаем. Ты перенесешь китайские церемонии?

– Ты права, Долька. Я не подумал, не хочется сейчас этикету подчиняться. Может, двинем ко мне? Бабуля вопросов задавать не будет. Я ее предупредил на всякий случай.

– Какой предусмотрительный! И все же уже поздно, Арт. Я лучше зайду к тебе завтра. Вечером, после работы.

– Завтра я уезжаю ночным поездом, – напомнил Артур.

– Я постараюсь освободиться пораньше.

На самом деле пойти к нему прямо сейчас я не смогла, потому что внезапно меня охватил страх: я оказалась не готова к столь быстрому сближению.

Когда я открыла своим ключом дверь в квартиру, меня уже поджидала мама – волосы скручены в затейливое сооружение, шелковый алый халат в пол, лицо недоброе. Королевским жестом она указала в угол прихожей:

– Дарья, до каких пор будет продолжаться это безобразие?! – На сей раз маме помешали мои книги, лежащие в прихожей нераспакованными со дня моего приезда. – Я без конца спотыкаюсь об эти коробки. Хотя бы отнесла их в свою комнату!

Моя мама работает врачом в санитарной инспекции и привыкла всех к порядку призывать. И для домашних исключения не делает. Но у меня было слишком хорошее настроение, чтобы всерьез реагировать на ее нотации. Сполохи недавнего свидания еще метались во мне.

– Уберу, мамочка. Как только, так сразу.

Я сняла пальто, начала стягивать сапог, отвернув взволнованное лицо от мамы.

Однако она, и не видя моих глаз, каким-то шестым чувством поняла, что сейчас не слишком подходящий момент, чтобы воспитывать меня. И своей пронизательности скрывать не стала:

– Дашуля! На нашей улице праздник? Светишься, словно ребенок! Выиграла в лотерею?

Я влезла в тапочки, выпрямилась и встала напротив – мы были с мамой одного роста – и улыбнулась ей:

– Мам, ты помнишь братьев Палецких? Ну, с которыми я в школе училась?

– Палецкие? Минуточку... Ну как же! Они ведь оба у нас бывали. За тобой еще этот невысокий крепыш, Витя, ухаживал. Тихий такой мальчик, помнится, так на тебя смотрел, так смотрел! Но ты, кажется, не слишком его жаловала. Все к брату его тянулась, тот заводной парень был. Забыла, как его: Арнольд или Альфред, имя такое вычурное...

– Совсе не вычурное, – обиделась я за Артура, – просто редкое. Артур его звали.

– Пусть Артур. И Люська твоя от него ни на шаг, однажды я их в нашем коридоре застукала, целовались без зазрения совести. А с какой стати ты их вспомнила? На сайте «Одноклассников» встретила?

– Ты у меня такая продвинутая, мамочка, и про «Одноклассников» слышала. Признавайся, просила секретаршу дружка юности в Интернете поискать?

– Фу, нельзя так с матерью разговаривать! Я, кроме твоего папы, никого в жизни не любила. А про все эти «Контакты» и «Одноклассников» молодежь в нашей инспекции уши прожужжала. Я в точку попала? На «Одноклассниках» братьев отыскала?

– Я сегодня встречалась в кафе с Артуром Палецким.

– Вот как? – Мамины глаза округлились. – С Артуром? Не

с Витей? Какой неожиданный кульбит!

– Вити уже нет на свете, мама.

– Как? Такой молодой! Что с ним случилось?

Я кратко пересказала маме про жизнь Вити и Артура за границей и про гибель «невысокого крепыша».

– Вот ведь как получается, – вздохнула мама. – Нередко скромные ребята героями становятся. А мы в юности всё на бойких парней пялимся... Жаль мальчика, жаль. Ну что ж мы в прихожей стоим? Ужин стынет. Ты поешь с нами или сыта после кафе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.